

© 2021

Эдуард Соболев

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник

Институт экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: edsobol@rambler.ru)

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РОССИИ

В статье исследуется проблема становления в современном российском обществе ценностных установок, соответствующих гуманистической направленности человеко-ориентированной экономики. С этой целью анализируются особенности и противоречия ценностной составляющей национального человеческого потенциала советского периода в сопоставлении с ценностями современных россиян. Дается оценка целесообразности и возможности воспроизводства ряда сторон системы ценностей советского общества, таких как нестяжательство, неприемлемость социального неравенства, уважение к образованию, запрос на интересную и содержательную работу в современных реалиях.

Ключевые слова: советская система ценностей, трудовая мотивация, человеческий потенциал, национальная идентичность, доходное неравенство, постиндустриальные ценности.

DOI: 10.31857/S020736760017821-2

Обращаясь к проблематике развития национального человеческого потенциала, исследователи, как правило, акцентируют внимание на таких его аспектах, как демографические характеристики, здоровье, образование, профессионально-квалификационная структура, воспроизводство элитных кадров, необходимых для продвижения цифровой экономики. Не менее актуален, на наш взгляд, ценностный аспект человеческого потенциала, проблема становления и воспроизводства ценностных установок, соответствующих гуманистической направленности человеко-ориентированной экономики. Содержание ценностей, присутствующих в сознании населения, с одной стороны, задает структуру текущих и перспективных потребностей, что в конечном итоге определяет ориентиры социально-экономического развития, а с другой, — оказывает серьезное влияние на траектории и темпы продвижения к намеченным целям.

Поиск ценностей, особенно утраченных или забытых, был свойственен россиянам на протяжении всей многовековой истории. Не является исключением и сегодняшнее беспокойное время. По мере утверждения постсоветских реалий все больше экспертов, в том числе изначально резко отрицательно относившихся к советскому этапу истории страны, постепенно начинают осознавать, что ушедшая эпоха была весьма и весьма неоднозначной, не лишенной не только недостатков и провалов, но и достижений и преимуществ перед альтернативными траекториями развития. Это относится как к социально-

экономическому устройству и институциональным характеристикам, так и — что особенно важно — к особенностям формировавшейся в этот период системы ценностей [10. С. 281–305]. Поэтому, подводя итог 30-летнего развития рыночно-ориентированной экономики, в поисках национальной идентичности имеет смысл еще раз обратиться к советским временам, проанализировать особенности ценностных ориентаций и механизмы их формирования, оценить целесообразность и возможности воспроизводства тех или иных сторон системы ценностей советского общества в современных реалиях. Попытка такого анализа предпринята в данной статье.

Противоречивость советской системы ценностей. Следует сразу же отметить, что советские «положительные» ценности и институты, как правило, существовали в неразрывном единстве с «отрицательными», были в определенной мере их оборотной стороной. Так, стремление претворить в жизнь идеалы справедливости сплошь и рядом оборачивалось подавлением личной инициативы, а развернутая система социальных гарантий порождала у части населения иждивенческие настроения. Именно из этой неоднозначности в значительной мере проистекает противоречивость, а подчас и полная противоположность оценок не только советских реалий, но и ценностных установок, в этих реалиях сформированных.

Довольно широкое распространение получила позиция, акцентирующая внимание на тоталитарном характере системы, отсутствии в СССР тех или иных прав и свобод [8; 13; 21]. Показательны в этом смысле материалы дискуссии «Старый новый человек. Как власть формировала личность советского гражданина», организованной в Сахаровском центре в рамках цикла «Четверть века без СССР: Ad Memoriam» [20]. Довольно резко, но и предельно четко суть такой точки зрения выражает, например, следующий тезис: «В «идейно-воспитательной» работе с «людьми тоталитарного образца» предпочтительным является ориентация на человеческие страхи, лапидарные социальные обещания, а также угроза перспективы потери единства с неизменно «сильнейшей стороной» потенциального политического незамедлительного конфликта» [7. С. 336].

Существует и альтернативная точка зрения. Ее сторонники подчеркивают те аспекты системы, которые способствовали формированию у граждан страны тех самых нерыночных ценностей, важность которых, в том числе и для обеспечения устойчивого развития экономики и общества, сегодня все сильнее осознается в большинстве развитых стран. Такую позицию последовательно отстаивает один из ведущих российских политэкономов А. Бузгалин, полагающий, что «в Советском Союзе и других странах социалистического содружества работала система, в которой сохранялись — вплоть до конца 80-х годов — «красные, коммунистические тренды». К коммунистическим трендам исследователь относит, прежде всего, универсальную доступность ключевых социальных

благ — образования, здравоохранения, культуры. Говоря современным языком — это система социальных лифтов, выравнивающих стартовые условия представителей разного социального бэкграунда. Такая система способствует утверждению ценности справедливости и снижает ценность денег. Ее результатом становится «новый человек как историческое явление: человек, который хотел не только денег и не только личных, бюрократических успехов в карьере, но и решения социальных проблем страны и мира; человек, которому важны творческие достижения, развитие науки и культуры, полёты в космос и т.д.» [4].

Кардинальные расхождения в оценке системы ценностей, сложившейся в советский период, связаны, на наш взгляд, также с различием представлений о степени укорененности (embeddedness) официальных ценностей в менталитете основной массы населения, а также с тем неоспоримым фактом, что на протяжении существования СССР они неизбежно претерпевали эволюцию.

Эволюция ключевых ценностей в советский период. К числу ключевых ценностей, поддерживаемых советской системой и легитимизированных населением страны, следует, на наш взгляд, отнести нестяжательство, неприемлемость социального неравенства в потреблении, уважение к образованию, запрос на интересную и содержательную работу.

В той или иной мере ценность нестяжательства разделялась населением страны на всем протяжении советского периода. Так было при Сталине, чей режим зиждился на сочетании террора и аскезы. Так было и при Хрущеве, в годы правления которого можно наблюдать ярко выраженный протест против «мещанства», неприятие каких бы то ни было поползновений в сторону общества потребления. В связи с этим можно вспомнить знаменитую пьесу Виктора Розова «В поисках радости», герой которой яростно рубил дедовской пашкой «мещанскую» мебель. Нестяжательство, отсутствие заикленности на деньгах, с одной стороны, подпитывалось коммунистической идеологией с ее неприятием буржуазности и мещанства, но с другой, имело под собой материальную основу, было в известной степени вынужденным — ресурсов, прежде всего материальных, для расширения масштабов и повышения стандартов потребления в советской центрально-управляемой экономике было недостаточно [16. С. 227–231].

При Брежневе ситуация несколько изменилась, причем, прежде всего, в психологическом плане. Постепенно отвоевывал позиции принцип: «живи сам и жить давай другим». Брежнев так вспоминал собственную молодость: «Помню, как мы грузили мешки на железной дороге. Три сгрузишь — четвертый себе берешь. Вот и вся страна так живет!». В этот период приобретение материальных благ, стремление к более комфортной и обеспеченной жизни уже не рассматривались как противоречащие общепринятым моральным нормам. Тем не менее роскошь, выставленная напоказ, не только осуждалась, но и каралась. Можно было коллекционировать произведения искусства,

дорогие старинные монеты, изделия из драгоценных камней, но хватать этим было не просто не принято, но и опасно: можно было лишиться партбилета «за моральное разложение».

Полного равенства в потреблении, конечно же, не было. Отдельные социальные слои и группы населения, прежде всего представители так называемой номенклатуры и сферы торговли (ближе других стоящие к процессу распределения потребительских благ), но также деятели литературы и искусства, работники оборонных предприятий, в определенной мере академическая наука – поддерживали более высокий стандарт потребления. Тем не менее в макроэкономическом плане даже в позднесоветские годы дифференциация как по доходам, так и по общему уровню благосостояния удерживалась в весьма скромных пределах. Это наглядно иллюстрирует динамика ключевого индикатора неравенства доходов – коэффициента Джини, представленная в таблице 1.

Таблица 1

**Доходное неравенство в России и некоторых странах, 1910–2020 гг.
(коэффициент Джини)**

Страна	1910	1930	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2020
Великобритания	42	43	30	29	29	34	39	40	35
Нидерланды	47	42	36	43	36	30	32	32	28
Франция	55	62	58	52	45	35	37	37	32
Германия	44	45	47	39	40	38	49	51	32
Италия	49	51	43	44	39	39	33	37	36
Испания	35	36	35	28	35	41	34	33	35
Швеция	57	51	40	40	37	29	31	35	30
Россия*	40	43	36	28	23	25	26	40	37

*До 1990 г. – СССР.

Источник: составлено по [22; 23].

Как видно из таблицы, хотя целевая установка на преодоление несправедливого неравенства была провозглашена на заре советской власти, реализовать ее на практике удалось лишь со второй половины XX века. Однако начиная с 50-х годов прошлого века и до последних лет существования советского планового хозяйства коэффициент Джини удерживался на уровне 23–28, что даже несколько ниже, чем в большинстве государств благополучной и сытой Европы. Приблизиться к российским значениям удавалось лишь наиболее социально ориентированным скандинавским странам, таким как Швеция. Сдерживание социально-экономической дифференциации позволяло обеспечивать приемлемый уровень материального благосостояния большинства населения при достаточно скромных масштабах совокупных ресурсов, доступных для потребления.

Ключевым фактором, способствовавшим удержанию неравенства в оптимальных границах, была проводимая в советский период политика заработной платы. В силу устойчивого отставания производительности труда в национальной экономике от ее уровня в развитых странах Запада, средние показатели оплаты труда удерживались на относительно невысоком уровне. Однако при этом законодательно установленный минимум оплаты труда гарантировал возможность поддержания социально приемлемого уровня потребления, поскольку превышал расчетную величину прожиточного минимума примерно в полтора раза. Таким образом, семья с двумя работающими взрослыми, даже низкооплачиваемыми, могла позволить себе по крайней мере одного ребенка, не оказавшись за чертой бедности [18. С. 18–27]. Не следует забывать также и о системе универсальных льгот, в значительной степени ориентированных на детей или для детей актуальных, таких как бесплатное образование, в том числе дошкольное и внешкольное, субсидирование детских садов, кружков и спортивных секций, детской одежды; не просто общедоступный, но обязательный охват программами профилактической медицины. Доступность социальных благ для всех категорий населения вне зависимости от материального достатка служила мощным рычагом сглаживания социально-экономического неравенства и активно подпитывала ценность нестяжательства.

В качестве еще одной важнейшей характеристики системы ценностей советского человека следует отметить уважение к образованию. Это уважение зиждилось отнюдь не только на работе идеологического аппарата, но и на устойчивом социально-экономическом базисе. Получение высшего образования представляло собой наиболее эффективный доступный механизм упрочения своего положения в экономике и обществе, получения чистой и творческой работы, достижения жизненного успеха.

В позднесоветский период все в большей степени начинает цениться свободное время. В этих условиях образование начинает восприниматься как самоценность, механизм для самореализации во всех сферах жизни, предикат, определяющий принадлежность человека к интеллигентскому сословию. Одновременно наблюдается падение престижа рабочих профессий. Процесс этот очень точно описывает П. Кудюкин: «В советские годы пропаганда во многом строилась на создании мифа о “рабочем классе – ведущей силе общества”. Однако с течением времени мифология работала все хуже. Отсюда такие зигзаги социальной политики, как эксперименты первой половины 1960-х с производственным обучением в старших классах, преимущественное право на получение высшего образования для обладателей рабочего стажа. Но уже к концу того же десятилетия система профессионально-технических училищ превратилась в пугало для школьников: “Будешь плохо учиться – в ПТУ пойдешь!”. И это при том, что заметная часть промышленных рабочих, особенно в “оборонке”, действительно получала неплохую зарплату, имела социальные

льготы, шансы на достаточно быстрое получение жилья. И при том, что немало людей с высшим инженерным образованием охотно, порой преодолевая трудности, трудоустроивалась по рабочим профессиям. Иногда из-за того, что там действительно требовался высокий уровень профессиональной подготовки, например в нефтехимической промышленности. Иногда по вполне прагматическим соображениям более высокой зарплаты» [11].

Инструментализация мотивации у рабочих. Падение престижа рабочих профессий отразилось на изменении структуры мотивации у представителей этого социального слоя. По данным двух раундов социологического обследования рабочей молодежи Ленинграда, предпринятых исследовательским коллективом во главе с В. Ядовым с перерывом в 14 лет (1962 г. и 1976 г.), 70-е годы прошлого века характеризует кардинальная перестройка иерархии трудовых ценностей в направлении инструментализации труда. В сознании молодежи на первый план выдвигаются внешние ценности, такие как хорошие условия труда и достойное вознаграждение, которые вытесняют в разряд менее значимых внутренние ценности, связанные с содержанием трудовой деятельности как таковой. «В начале 60-х годов содержание работы, возможности продвижения, интерес к самому процессу работы, — комментировал результаты обследования В. Ядов, — имели большее значение, чем условия труда и заработок. Сегодня они, если можно сказать, сравнялись по мотивационной значимости» [14. С. 118]. Тем не менее профессионализм, высококвалифицированный труд у рабочих сохранял свое значение вплоть до начала 90-х годов.

Запрос на более интересную работу. В советскую эпоху, несмотря на признание закона распределения по труду и признание сохранения у заработной платы стимулирующей функции, отечественная экономическая наука традиционно недооценивала роль рыночных механизмов как предиката поведения человека в сфере труда. В то же время в фокус внимания часто попадали моральные стимулы, в том числе связанные с общественным принуждением к труду. Это нашло отражение в Конституции, где было зафиксировано не только право на труд, но и обязанность трудиться.

Такое опережающее развитие российской системы ценностей было не случайным. Во-первых, его стимулировало функционирование созданных при советской власти социальных институтов, за появление которых на Западе пришлось долго бороться. Речь идет об относительно развитой системе трудового и социального законодательства, системе социального обеспечения и страхования, доступных образовании и здравоохранении.

Во-вторых, на рубеже 50-60-х годов прошлого века СССР вошел в фазу такого социального и экономического развития, когда у быстро увеличивающегося сословия образованных людей возникли соответствующие духовные запросы. Отсюда растущий запрос на нематериальные ценности, получение образования, приобщение к культурным благам. В то же время уровень

советского менталитета был выше технологического уровня страны, был скроен в значительной мере «на вырост». Он «подпитывался» не только со стороны технологии с определенной структурой занятости, но и со стороны идеологии.

На исходе существования советской власти социальная и экономическая ситуация в стране с точки зрения объективных условий, способствующих формированию и закреплению в массовом сознании рассмотренных выше ключевых ценностей как в рабочей среде, так и среди интеллигенции, стала ухудшаться. Однако, невзирая на негативные сдвиги, даже на закате существования СССР в структуре ценностей советского человека важное место все еще занимали рыночные ценности, весьма сходные с постиндустриальными ценностями, формирующимися сегодня в наиболее развитых западных странах.

Изменение ценностных ориентиров в процессе рыночных трансформаций. Неблагоприятные тенденции позднесоветского периода получили стремительное развитие под воздействием тектонических сдвигов в экономике и обществе начала 90-х годов прошлого века, когда рухнула советская система, и на ее обломках стала формироваться принципиально новая – рыночная. В новых реалиях иерархия ценностей российских граждан претерпела радикальные изменения [5].

Прежде всего, следует отметить резкое падение престижа любого труда, кроме управленческого. Уже в первое десятилетие реформ существенно обновился перечень наиболее уважаемых видов деятельности. Как видно из таблицы 2, в рейтинге представлений молодежи о престижной работе с громадным отрывом лидируют финансисты, юристы, управленцы, в то время как профессии, представляющие реальный сектор и научно-образовательный комплекс, не представлены вовсе.

Таблица 2

Наиболее престижные виды деятельности в представлении российской молодежи

Вид деятельности	Доля респондентов, отметивших вид деятельности как престижный	
	1997	2007
Финансисты, экономисты, бухгалтеры, банковские работники	46	28
Адвокаты, юристы, прокуроры, нотариусы	43	32
Предприниматели, бизнесмены	13	9
Госслужащие	10	17
Руководители	10	6
Врачи	9	10
Работники культуры, искусства, спорта, шоу-бизнеса, модельного бизнеса, телеведущие	5	11

Врачи	9	10
Военнослужащие, МВД, ГАИ	3	3
Работники торговли, менеджеры	0	9
Программисты	0	7

Источник: составлено по данным исследования Института социологии РАН [15].

Описанные изменения в рейтинге профессий сопряжены с еще одним существенным негативным сдвигом в системе ценностей россиян: произошла экономизация трудовой мотивации, можно сказать, ее монетизация. Prestиж работы определяется тем, сколько дохода она приносит. В стране установилась общая социальная и культурная атмосфера с ее культом обогащения, а не труда. Представления о престижности того или иного вида деятельности прочно увязываются с материальной основой – представлениями о масштабах дохода, которые эта деятельность может приносить. Это наглядно видно из таблицы 3, где представлен рейтинг видов деятельности, предположительно приносящих наиболее высокий доход: лидирующее место в нем составляет та же группа финансово-управленческих профессий.

Таблица 3

Наиболее доходные виды деятельности в представлении российской молодежи

Вид деятельности	Доля респондентов, отметивших вид деятельности как престижный	
	1997	2007
Финансисты, экономисты, бухгалтеры, банковские работники	37	29
Предприниматели, бизнесмены	37	25
Адвокаты, юристы, прокуроры, нотариусы	22	18
Госслужащие	10	11
Руководители	8	7
Работники культуры, искусства, спорта, шоу-бизнеса, телеведущие	2	6
Врачи	2	6
Профессионалы в сфере производства	0	7
Программисты	0	6
Профессионалы в сфере услуг	0	4

Источник: составлено по данным исследования Института социологии РАН [15].

В последние годы в связи с наступлением цифровой экономики вырос спрос на программистов и др. специалистов в области цифровых технологий, а «трансграничная» специфика их деятельности обусловила выравнивание заработных плат этих категорий работников на уровне весьма высоких

стандартов наиболее развитых стран [2]. Этим обусловлено уверенное продвижение программистов, системных администраторов, специалистов по работе с большими данными в топ-рейтинги наиболее желанных и уважаемых профессий. В то же время значительная их часть обслуживает не реальный сектор, а все тот же разросшийся управленческий и финансовый слой, отражающий увеличение пузыря над реальной экономикой.

Такой сдвиг в структуре трудовых ценностей происходит, с одной стороны, в связи с коммерциализацией самых разных сторон не только экономической жизни, но и общественной жизни в целом. Такие реалии сегодняшнего дня, как разросшийся сектор платного высшего образования, куда доступ открыт не на основе конкурсного отбора, а по критерию платежеспособности семьи, частная медицина, высасывающая наиболее квалифицированные кадры из государственной системы бесплатного здравоохранения, подпитывают убеждение, что все продается и все покупается. С другой стороны, возросшая воспроизводственная нагрузка на заработную плату у подавляющего большинства населения не сопровождалась адекватным увеличением ее размеров.

В этих условиях люди естественно озабочены поиском как можно лучше оплачиваемой работы, часто не обращая внимания на другие ее аспекты. По данным Европейского обследования ценностей, на сегодняшний день ценностные приоритеты россиян в сфере труда сфокусировались на базовых ценностях высокого заработка и стабильной занятости, в то время как в Западной Европе, где с оглядкой на СССР была постепенно сформирована развитая система социальных гарантий, лидерство удерживают ценности удовлетворения от результатов труда и интересной работы [19].

При таком раскладе неизбежно происходит девальвация значения знаний и образованности (не путать с обладанием дипломом о высшем образовании). Между тем эти факторы всегда рассматривались как критически важные для распространения в обществе постматериалистических ценностей. Свою роль в снижении интеллектуализации населения сыграла ситуация на российском рынке труда. Он насыщен рабочими местами весьма низкого качества. При этом продолжается тенденция расширения сектора нестабильной, мало-квалифицированной и низкооплачиваемой занятости [3].

Ощущение неправомочности и несправедливости неравенства, характерное для недавнего прошлого, исчезает. Неравенство стало рассматриваться не как нечто вопиющее, аномальное, а как банальная, повседневная реальность [6]. Конечно, для старшего поколения россиян, немалая часть сознательной жизни которого прошла при советской власти, неприятие неравенства в значительной мере осталось. Но по мере смены поколений представление о неприемлемости социального неравенства постепенно теряет сторонников. Здесь уместно вспомнить исследования Р. Инглхарта об инерционности сознания даже в изменившихся социально-культурных условиях [9].

В новой России ценности индивидуализма подавили ценности социалитета. В 1917 г. баланс между индивидуализмом и социалитетом был нарушен в пользу последнего. Но уже в послесталинский период маятник постепенно стал двигаться в обратную сторону. Инстинкты коллективизма утрачивали роль основы хозяйственных институтов и трудового поведения человека. Так называемая реформа Косыгина опиралась на стремление человека к личному благосостоянию и присвоению, что проявилось, в частности, в расширении доступности для населения приобретения автомобилей и кооперативного жилья [16. С. 287].

В результате был запущен процесс асоциализации сознания, утрачивалась способность предпринимать какие-либо коллективные действия, приоритет получило пассивное сопротивление разрозненных индивидов. Не случайно в российской практике практически не было каких-либо забастовок солидарности [17]. Такой вектор развития ценностной составляющей национального человеческого потенциала, к сожалению, нельзя оценить иначе, как деградацию.

* * *

Десоветизация сознания привела к тому, что «вместе с водой выплеснули и ребенка», и сегодня по степени соответствия системы ценностей россиян реалиям современного этапа социально-экономического развития мы стоим существенно ниже по сравнению не только с развитыми западными экономиками, но и с достижениями советских времен. Сегодня остро ощущается потребность в восстановлении естественного психологического баланса между индивидуализмом и социалитетом, нарушенного в процессе социально-экономических трансформаций. Необходимо создавать среду, благоприятную для восстановления значения нематериальных ценностей, — прежде всего, в сфере труда хотя бы на уровне позднесоветского периода. Важное значение имеет реанимация престижа рабочих профессий и занятости в реальном секторе экономики в целом. Учитывая произошедшую деиндустриализацию страны, радикальное изменение структуры занятости и общую социальную и культурную атмосферу с ее культом обогащения, а не труда, это непростая задача. Но без ее решения затруднительно проводить новую индустриализацию.

Советскую систему ценностей сегодня не стоит принимать в качестве непосредственного стратегического ориентира. Более логична и целесообразна ориентация на общеевропейские (в этом смысле общецивилизационные) ценности. За последние полвека представления о ценностях в западном обществе претерпели значительные изменения. Ранее на первом месте стояли материальное благополучие и физическая безопасность, тогда как сегодня больше значения придается качеству жизни. Таким образом, ценностные приоритеты сместились от материализма к постматериализму. Это смещение социологи связывают с тем, что после второй мировой войны население развитых

стран Европы и США ощутило большую социально-экономическую и физическую безопасность чем когда-либо ранее. Более молодые поколения, годы становления которых совпали с периодом стабильности, постепенно отдаляются от более архаичных представлений о ценностях, свойственных старшим поколениям [9].

Россия – европейская страна, и в своем развитии должна эволюционировать в сторону европейской цивилизации. И все же советский опыт является уникальным. Именно советская Россия подсказала западному обществу ряд важных ориентиров, способствовавших формированию постматериалистических ценностей [1]. Сопоставляя ценности современных россиян и те, что были легитимизированы населением до начала рыночных преобразований, можно с уверенностью утверждать, что возвращение многих советских ценностей было бы для нашего общества не шагом назад, а благом, поскольку приблизило бы нас к постиндустриальным ценностям современного человека.

Литература

1. *Абалкин Л.И.* Россия: поиск самоопределения: очерки // М.: Наука, 2005. 464 с.
2. *Баскакова М.Е., Соболева И.В.* Кадровое ядро цифровой экономики в свете глобализационных рисков // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 2. С. 81–92.
3. *Бобков В.Н., Одицова Е.В., Коваленко В.В.* Неустойчивая занятость – глобальная проблема современности: как снизить ее масштабы в России? // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3 (180). С. 93–100.
4. *Бузгалин А.* Налицо объективные причины востребованности марксизма / ИнвестФорсайт. Март 30. 2020. URL: <https://www.if24.ru/aleksandr-buzgalin-marksizm/> (дата обращения 01.11.2021).
5. *Воейков М.И., Анисимова Г.В., Соболев Э.Н.* Трудовые отношения капитализма и российские трудовые ценности // М.: Институт экономики РАН. 2009. 56 с.
6. *Воейков М.И., Соболев Э.Н., Анисимова Г.В.* Социальный императив Е.И. Капустина и современность (к столетию со дня рождения) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 188–202.
7. *Грицанов А.А.* Тоталитарная личность: актуализация идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 326–343.
8. *Гудков Л., Дубин Б.* Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма: Очерки / Под ред. М. Липман и А. Рябова // М.: Изд-во Р. Элинина. 2007. С. 8–63.
9. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 18–28.
10. *Капустин Е.И.* Уровень, качество и образ жизни населения России // М.: Наука. 2006. 324 с.
11. *Кудюкин П.* Опять всем классом на завод. 28 апреля 2011 г. URL: <http://www.vkrizis.ru/news.php?news=2975&type=rus&rub=industry> (дата обращения 11.09.2021).
12. *Магун В.С.* Трудовые ценности экономически активного населения семи стран мира / Мы и они: Россия в сравнительной перспективе. Под ред. В.А. Мау, А.А. Мордашева, Е.В. Турунцева // М.: Институт экономики переходного периода. 2005. С. 117–156.

13. Молодежь и труд. Размышления социологов и журналиста // Экономика и организация промышленного производства. 1983. № 8. С. 112–128.
14. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Институт социологии ФНИИС РАН. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_1_2.html (дата обращения 01.11.2021).
15. *Ольсевич Ю.* К теории экономических трансформаций // М.: Институт экономики РАН. 1997. 287 с.
16. *Соболев Э.Н.* Динамика трудовых доходов и проблема забастовочной активности работников / Сер. Научные доклады Института экономики РАН // М.: ИЭ РАН. 2015. 45 с.
17. *Соболев Э.Н.* Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии / Сер. Научные доклады Института экономики РАН // М.: ИЭ РАН. 2017. 50 с.
18. *Соболева И.В.* Воспроизводственная функция заработной платы и трудовая мотивация в современной России // Вопросы политической экономии. 2019. № 3. С. 95–104.
19. Старый новый человек. Как власть формировала личность советского гражданина. Лента.ру. 6 апреля 2016. URL: https://lenta.ru/articles/2016/04/06/soviet_man/ (дата обращения 01.11.2021).
20. *Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и система ценностей // М.: ГУ ВШЭ. 2003. 83 с.
21. *Moatsos Michail, et al.* Income inequality since 1820 // Jan Luiten van Zanden, et al. (eds.), How Was Life?: Global Well-being since 1820. OECD Publishing. 2014.
22. Statista URL: <https://www.statista.com/forecasts/1171540/gini-index-by-country> (дата обращения 01.11.2021).

Eduard Sobolev (e-mail: edsobol@rambler.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

THE VALUE ASPECT OF HUMAN DEVELOPMENT IN RUSSIA

The article examines how the moral values inherent to human-oriented economy are being shaped in actual Russian society.

For this purpose, the author analyzes the peculiarities and contradictions of the value aspect that were characteristic of the national human potential during the Soviet period as compared to the values of modern Russians.

An assessment is made of feasibility and prospects for partial regeneration of the Soviet value system including non-acquisitiveness, disapproval of social inequality, respect for education, and striving for challenging job.

Keywords: Soviet value system, labor motivation, human potential, national identity, income inequality, post-industrial values.

DOI: 10.31857/S020736760017821-2